

АЛЕКСАНДР ВЕРТИНСКИЙ

ЗНАМЕНИТЫЕ УКРАИНЦЫ

FOLIO

Ростислав Коломиец
Александр Вертинский

«ОМІКО»

2015

Коломиец Р. Г.

Александр Вертинский / Р. Г. Коломиец — «ОМІКО», 2015

Александр Вертинский (1889–1957), артист оригинальнейшего таланта и незаурядной судьбы, родился в Киеве. Кумир эстрады первой половины XX века, он пережил взлеты и падения, эмиграцию и возвращение в СССР. Вертинский выступал в кабаках и огромных концертных залах, играл в театрах, снимался в фильмах. О себе он рассказал практически все в своих песнях-ариях. «Мое искусство было отражением моей эпохи», – говорил Вертинский. В начале карьеры он предстал перед публикой в образе элегантного, трагического и ироничного Пьеро, позже выходил к зрителям в черном фраке и пел о том святом, что еще осталось в душе многих. «У меня нет ничего, кроме мирового имени», – признался в конце жизни Вертинский. Это имя по-прежнему популярно и в XXI веке.

Содержание

В мире Вертинского. 1889—1957	5
1. На родине. 1889—1919	8
Киевское детство и юность. Истоки творчества	8
Конец ознакомительного фрагмента.	12

Ростислав Коломиец Александр Вертинский

В мире Вертинского. 1889—1957

*Я всегда был за тех, кому горше и хуже,
Я всегда был для тех, кому жить тяжело.
А искусство мое, как мороз, даже лужи
Превращало порой в голубое стекло.*

Александр Вертинский

Жестоким выдался для Вертинского XX век – Первая мировая война, распад Российской империи, Февральская – вроде бы бескровная, а за ней Октябрьская – уж точно кровавая, революции, братоубийственная гражданская война, миллион волею судьбы лишенных родины и рассеянных по миру россиян, Вторая мировая война, унесшая жизни миллионов, разгул и падение сталинского режима. Сколько горестей выпало на долю людей, оказавшихся по обе стороны границы. Сколько испытаний довелось вынести Вертинскому. Жизнь не ожесточила его – и «милость к падшим призывать» стало потребностью артиста, делом чести и душевным подвижничеством художника.

С этого начинаю притчу об Александре Вертинском – человеке Вселенной, для которого весь мир был театром, трагифарсовым зрелищем.

В театре жизни Вертинскому суждено было сыграть одну роль: Великого Утешителя – трагичного, саркастичного, ироничного, сентиментального, разочарованного. Потребность в Великом Утешителе для людей была и всероссийской, и европейской, и американской, и азиатской. Она была и до отъезда Вертинского в эмиграцию, и во время его двадцатитрехлетней эмиграции. Не вписанный в официозный реестр советского искусства, он – Человек Вселенной – удовлетворял эту потребность в утешении другого человека, где бы ни проживал, куда бы ни забросила его судьба – в Казахстан, на Магадан, в Сибирь.

И все же: не много ли для эстрадного певца, который, дебютировав в 1913 году в киевском артистическом кафе «Павильон де Пари» по Садовой улице, объездил с гастрольями всю Россию? А дальше распинал душу в константинопольских, бухарестских, варшавских, берлинских, лондонских, парижских, шанхайских и харбинских ресторанах, в иерусалимском парке, американских мюзик-холлах, советских концертных залах и завершил свою жизнь в 1957 году, проведя последний концерт в ленинградском Доме ветеранов сцены имени Марии Савиной?..

В конце концов, это было очень специфическое пение. Певец не обладал сильным и красивым голосом, но с возрастом, отточив мимику и жесты, он придал своему голосу особое очарование. Вертинский явственно, чуть ли не подчеркнуто, картавил. Немного в нос напевал то манерные, то трогательные песенки о далеких краях, до которых не добраться, о несбывшихся надеждах, оборачивающихся химерами. Можно ведь и так посмотреть на его творчество. А может, дело не в силе и не в тембре голоса? Не в экзотике песнопений? Все это надо было не только слышать, но и видеть: видеоряд песенных спектаклей Вертинского потрясающий.

В свое время рядом с ним – рядом буквально и фигурально – выступали многие выдающиеся русские эстрадные артисты.

В эмиграции – блестящая певица и, вероятно, агент ОГПУ Надежда Плевицкая, которой восхищался Николай II, называя ее «курским соловьем», и которой аккомпанировал в Нью-

Йорке Сергей Рахманинов. Осужденная французским судом на 20 лет, она умерла в тюрьме в стране, оккупированной Третьим рейхом...

За рубежом и на Родине – достучавшийся до многих сердец Петр Лещенко – «Ах эти черные глаза», который пел для румынской, а потом и для советской армии и, получив разрешение на возвращение в СССР, был арестован и сгинул в конце концов в румынском тюремном госпитале...

В эмиграции – бархатный баритон Юрий Морфесси, выступавший перед императорской семьей на яхте, открывший Европе «Раскинулось море широко», «Марусечку», дававший концерты в Париже, Берлине, Загребе, обслуживавший власовские формирования РОА.

На Родине – обаятельнейший тенор, поэт, певец и композитор Вадим Козин – «Осень, прозрачное утро...», участвовавший в 1945 году в концерте на Ялтинской конференции вместе с Марлен Дитрих, а потом отсидевший в советских застенках и закончивший жизнь в добровольной магаданской ссылке...

И все же в своем времени искусство Вертинского было уникальным. Куда естественнее в поисках «параллелей с Вертинским» обратиться к нашему времени. В самом движении времени всплывают имена Александра Вертинского – Александра Галича – Булата Окуджавы – Владимира Высоцкого...

По каким параметрам выстраиваются эти параллели?

Прежде всего по общему надежному знаменателю творчества – любовью к свободе, свободе самовыражения? Свобода – где она? В тебе, во мне, а не вокруг нас. Что может быть дороже?

По исторической значимости творчества – тотальному противостоянию социуму. Творчество Вертинского выражало умонастроения интеллигенции на территории Российской империи, позже – интеллигенции, выброшенной за ее пределы и рассеянной по миру. Творчество Галича, Окуджавы, Высоцкого во второй половине прошлого столетия выразило оппозиционные умонастроения интеллигенции в духовном единomyслии, насаждаемом советским режимом. И далее ряд ярких имен в начале нынешнего столетия – создателей авторских песен.

Вот и прозвучало это слово – авторская песня.

Наверняка по этим параметрам параллели «Вертинский – Высоцкий», «Вертинский – Окуджава» исторически пересекаются. Не по манере исполнения, конечно. Впрочем, не станем торопиться с выводами.

* * *

Я люблю искусство Вертинского – его изысканный траги-иронический стиль, восхищаюсь образом его жизни – жизни свободного человека, его талантом любить и быть любимым, сочувствую его судьбе – судьбе выброшенного родиной эмигранта, сохранившего человеческое достоинство и верность своей роли Великого Утешителя.

Несмотря на большое количество материалов о Вертинском, целостного образа артиста так и не создано. Перед вами – первая такая попытка, в осуществлении которой мне очень помогла исповедь артиста – мысли, чувства, ощущения, впечатления, зафиксированные в его письмах, мемуарах, интервью. А также воспоминания его жены, Лидии Владимировны, дочерей Марианны и Анастасии, не только поведавшие нам о событийном течении жизни артиста, но и приоткрывшие его душевный мир. Плодотворными в плане воссоздания отдельных фрагментов творческой биографии Вертинского является эссеистика литературного и театрального критика-эмигранта Петра Пильского, друга Вертинского. Впервые он попытался еще в 30-е годы прошлого столетия определить место и значение артиста в истории русской художественной культуры. А вот современный киевский писатель, культуролог Мирон Петровский с высоты времени осмыслил киевский период творчества Вертинского. В своих изысканиях

я также опирался на мнение современных исследователей творчества певца, прежде всего – Андрея Архангельского, Елены Сукачевой, Владимира Скосырева. Благодарен моему школьному товарищу, ныне живущему в США, человеку высокой культуры Владимиру Лисице. Узнав, что я пишу книгу о Вертинском, будучи поклонником его творчества, он принял активное участие в сборе материалов, привлечении к исследованию малоизвестных фактов из жизни артиста. Его тонкие и точные замечания помогли мне в осмыслении целостного образа Вертинского.

С творчеством Вертинского меня еще в детстве познакомила моя бабушка, поэтесса, близкая поэтическим исканиям Блока, Северянина, Наталья Владимировна Козловская. Это входило в систему семейного воспитания. В ее дневниках я обнаружил несколько интересных наблюдений об искусстве Вертинского, которого она знала лично.

Читая книгу, имейте под рукой записи с песнями Вертинского, а также записи песен Юрия Морфесси, Вадима Козина, Булата Окуджавы, Владимира Высоцкого, Александра Чернецкого. Благо, в Интернете они в свободном доступе. И там, где я привожу в качестве цитаты или просто вспоминаю ту или иную песню этих артистов-авторов, включайте записи. Тогда наш разговор будет предметным.

1. На родине. 1889—1919

*Я люблю Вас, моя сероглазочка,
Золотая ошибка моя!
Вы – вечерняя жуткая сказочка,
Вы – цветок из картины Гойя.*

Киевское детство и юность. Истоки творчества

...По вечерам, после спектакля мы часто прогуливались с великой украинской артисткой Натальей Ужвий уютным франковским сквериком. Почему франковским? Да потому, что расположен он рядом с театром имени Франко, здесь артисты и сейчас встречаются перед репетициями, после репетиций. Дело в том, что в конце 60-х – начале 70-х я работал режиссером-постановщиком в театре имени Франко. Выходя со спектакля, я нередко встречался с Натальей Михайловной, которая в скверике ожидала, пока разгримируется ее муж, Евгений Порфирьевич Пономаренко, долго «выходивший из образа». Много расспрашивал артистку, живую историю украинского театра XX века, о Лесе Курбасе, Гнате Юре, с которыми она работала в «Березиле» и в театре имени Франко, о Мыколе Вороном, авторе украинского перевода «Интернационала», о поэтах Павле Тычине, Михайле Семенко – творцах украинской культуры XX века, о ее национальном своеобразии. Разговор о Вертинском Ужвий завела сама, без моей наводки.

«Как-то на съемках художественного фильма в Киеве я была поражена: «То, что вы выучили украинский язык, это еще понятно, но откуда у вас подлинные украинские интонации?» И тогда, чуть не плача от радости, Вертинский ответил ей: “Та я ж тут народився! Це ж моя Батьківщина!”»

И незадолго до своего ухода из жизни – это было его последнее стихотворение – он объяснялся в любви к Киеву. Не декларативно-трогательно, искренне, сентиментально:

Киев – родина нежная,
Звучавшая мне во сне
Юность моя мятежная,
Наконец, ты вернулась ко мне.

В одном из писем, отправленном жене из Киева в 1949 году, Вертинский признавался:
«Как бы я хотел жить и умереть здесь. Только здесь! Как жалко, что человек не может выбрать себе угол на земле!»

Дальше поразительное:

«Мне бы надо быть украинским певцом и петь по-украински! Україна – рідна мати! Иногда мне кажется, что я делаю преступление тем, что пою не для нее и не на ее языке!..»

Признание знаменательное, сделанное не под настроение. Это к вопросу даже не столько о национальности певца, сколько о его принадлежности к национальной культуре и о своеобразии преломления этой культуры в его искусстве.

Это вообще не простой вопрос. В конце концов, в жилах у Вертинского текла и украинская, и польская кровь. И что из этого следует? Разве вопрос о национальности решается «взвешиванием» кровей, текущих в жилах? Какой национальности был великий русский поэт,

эфиоп по крови, Пушкин?.. Украинец Гоголь не написал ни строчки по-украински, и, тем не менее, русские считают его своим, украинцы – своим литературным гением. Украинец Шевченко чуть ли не половину своих произведений создавал на русском языке...

А какой национальности был эстрадный певец Вадим Козин, у которого отец был русским, а мать – цыганкой? Какой национальности был продолжатель авторской песни Владимир Высоцкий, мать которого русская, а отец – еврей? Булат Окуджава на вопросы о своей национальности отвечал философски: «Отец мой – грузин, мать – армянка, а я – москвич...»

Вертинский – гражданин Вселенной – пребывал на перекрестке культур русской и украинской. Можно и так сказать: великий артист пребывал в сфере русской культуры, а украинские корни его происхождения, начало формирования его творческой индивидуальности в Киеве определили своеобразие его творчества. В Киеве он мечтал жить и умереть. Но жизнь распорядилась иначе.

* * *

Дитя свободной любви, Александр рос без родителей.

Отец артиста, известный в Киеве адвокат и журналист, не был официально женат на его матери, Евгении Степановне Скалацкой. По женской линии она происходила из украинского дворянского рода Ильяшенко, имевшего родственные связи с семьей Николая Васильевича Гоголя, была дочерью главы городского дворянского собрания. Влюбившись в Николая Вертинского, человека, по тем понятиям, безродного и к тому же женатого, она наткнулась на серьезные препятствия для семейного счастья. Первая жена так и не дала согласия на развод, и «дети любви» – Саша и Надя – родились как бы вне брака. Общественное осуждение и разрыв с родителями молодая женщина переживала очень тяжело и третьего ребенка не захотела. Она умерла после неудачной «женской операции», как тогда называли аборт, последствием которой стало заражение крови. Маленькому Саше исполнилось три года...

Вспоминает Вертинский в конце жизни, так, будто это случилось вчера, это ведь потрясение на всю жизнь:

«Смутно помню себя ребенком трех-четырёх лет. Я сидел в доме своей тетки на маленьком детском горшочке и выковыривал глаза у плюшевого медвежонка, которого мне подарили. Лизка, горничная, девчонка лет пятнадцати, подошла ко мне: “Будет тебе сидеть на горшке. Вставай, у тебя умерла мать!”»

В тот же вечер его привели на квартиру к родителям. Они жили на Большой Владимирской в 43-м номере. Дом этот в Киеве стоит до сих пор, выходя двумя парадными подъездами на улицу. Очевидно, чтобы утешить, дали шоколадку с кремом... Мать лежала на столе в столовой в серебряном гробу, вся в цветах. У изголовья стояли серебряные подсвечники со свечками и маленькая табуретка для монашки, которая читала Евангелие. Быстро взобравшись на табуретку, чмокнув маму в губы, Саша стал совать ей в рот шоколадку... Она не открыла рот и не улыбнулась ему. Он удивился. Его оттянули от гроба и повели домой, к тетке. Вот и все. Больше он ничего не помнит о своей матери.

Любовь и смерть...

Итак, после смерти матери отцу пришлось «усыновлять» детей. Сестра Надя осталась с отцом, а Сашу «отдали» сестре матери, тетке Марье Степановне. Отец тяжело переживал потерю жены... Через два года его нашли без сознания на ее могиле. В кругу близких говорили, будто бы он лежал на снегу в расстегнутом пальто, без сознания и после того очень быстро сгорел от скоротечной чахотки – умер, захлебнувшись собственной кровью...

Любовь и смерть...

Похороны отца запечатлелись в сознании мальчика на всю жизнь. Когда товарищи вынесли отцовский гроб, чтобы поставить на колесницу катафалка, огромная тысячная толпа

каких-то серых, бедно одетых людей, что заполнила площадь перед церковью, быстро оттеснила маленькую группку киевских юристов. Отобрав гроб с телом, толпа на руках понесла его к кладбищу. А колесница везла венки. Никто ничего не мог понять. Что это за люди? Откуда появились они? Оказалось, все это отцовская клиентура. Какие-то женщины, по виду вдовы, старики, калеки, дети, рабочие, студенты, мелкие чиновники, «бывшие» люди – бедный и темный люд, чьи дела он вел бесплатно, которым помогал, поддерживал. Они никого не подпустили к гробу, кроме Саши и Нади (их вела нянька). Ни одного человека. «Это было удивительно и страшно». Даже полиция не понимала, в чем дело.

Наде исполнилось 10 лет, Саше – 5. Их взяли на воспитание мамыны сестры. Мальчику было сказано, что никакой сестры у него больше нет, а девочку уведомили, что братик умер. Так они и росли – в разных семьях, в разных городах...

* * *

Каждую субботу кузина Наташа водила за ручку маленького Сашу во Владимирский собор. А там...

«Васнецовская гневная живопись заставляла трепетать мое сердце. Один «Страшный суд» чего стоил... Давно умершие люди, бледные и прекрасные царицы, «в бозе почившие цари» – все это толпилось у подножья трона в час последнего Божьего суда... А рядом, около алтаря и наверху в притворах, была живопись Нестерова! Как утешала она! Как радовала глаз, сколько любви к человеку было в его иконах...

Образ Богородицы был наверху, в левом притворе. Нельзя было смотреть на эту икону без изумления и восторга. Какой неземной красотой сияло лицо! В огромных украинских очах, с длинными темными ресницами, опущенными долу, была вся красота дочерей моей родины, вся любовная тоска ее своевольных и гордых красавиц... Много лет потом, уже гимназистом, я носил время от времени ей цветы...

Но больше всего мальчика поразило, как на Великий пост на Страстной неделе посреди церкви солисты киевской оперы исполняли распев «Разбойник благородный»:

«Разбойника благоразумнаго во едином часе
Раеви сподоби еси, Господи,
И мене древом крестным
Просвети...»

Его детская душа не могла вместить всех этих переживаний. Конечно же он воспринимал это как магический театральный спектакль.

По субботам и церковным праздникам в гимназической церкви пел хор, составленный из учеников. Александра туда не взяли, хотя у него был звонкий дискант и хороший слух. Вероятно – из-за плохого поведения. Его непреходящей мечтой было стать церковным служкой. Он замирал в предчувствии чуда и завидовал хлопчикам в белых стихарях, которые выходили из алтаря со свечками.

И вот как-то на уроке Закона Божьего отец Троицкий спросил: «Кто из вас может выучить наизусть шестипсалмие, чтобы прочесть его завтра в церкви?» Рука Саши взлетела вверх. «Ну, попробуй», – благословил батюшка. Александр взял книгу и торжественно прочитал текст от начала и до конца. «Молодец, – откликнулся батюшка. – Приходи завтра пораньше в алтарь, выберешь себе стихарь». После бессонной ночи текст был выучен назубок, и вечером следующего дня, за два часа до начала службы, гимназист уже был в церкви и бросился примерять стихари. Увы! Ни один из них ему не подходил. Юноша – высокий и худощавый, и стихари, пошитые на средний рост, едва доходили ему до колен. «Читай без стихаря», – позволил батюшка.

«Как – без стихаря?» Саша выбежал из церкви. Он очень хотел сыграть эту роль – просителя у Бога, но без соответствующего сценического костюма не мог войти в роль...

Музыка его детства – это и церковное хоровое пение во Владимирском соборе, и пение лирников возле лавры, и пение бродячих слепых кобзарей во дворах.

* * *

Детство Вертинского исполнено драматизма. Не я об этом первым пишу. Как заметила киевский исследователь творчества Вертинского Надежда Корсакова, если бы тетке Саши Вертинского в году этак 1905-м сказали, что ее непутящий племянник, первый в Киеве двоечник, мелкий воришка, «босьяк, выгнанный из всех гимназий», станет известным на весь мир артистом, она бы, мягко говоря, удивилась. Великого будущего бедному родственнику не предвещало ничто. Воспитываясь в чужой семье, «неблагополучный ребенок» проявил все качества, которые безусловно и неминуемо вели его в мир криминала: авантюризм, упрямство, нахальство, отсутствие желания получить надежную профессию, пижонство, обаяние, эпатажность...

«Странным образом внебрачность стала для Вертинского неким метафизическим вектором будущей судьбы и карьеры», – размышляет о феномене Вертинского известный противник объективности, предпочитающий доверять эмоциям и чувствам, редактор отдела культуры журнала «Огонек» Андрей Архангельский. И с ним трудно не согласиться. Никакого парадокса. Действительно ведь, рожденный в Киеве, который всегда был несколько «внебрачен» по отношению к Москве, Вертинский остался «вне брака» и по отношению к официальной эстраде начала XX века, а позднее и к эмигрантской культуре, и отказавшись от главного соблазна середины века – Голливуда. Вернувшись в СССР и «прожив» с советской официальной культурой 14 лет, он так и не «женится» на ней.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.